
О нестабильности в Центральной Азии

В.В. Евсеев

В последние годы Центральная Азия вызывает все больший интерес как в России, так и за рубежом. Это обусловлено, с одной стороны, наличием здесь значительных запасов нефти, газа, природного урана, золота и других полезных ископаемых, столь нужных для развития мировой экономики. В значительных объемах здесь выращивают хлопок и производят электроэнергию на гидроэлектростанциях (ГЭС). С другой стороны, для Центральной Азии характерна хроническая политическая нестабильность, всепоглощающая коррупция и высокая безработица. При этом образовательный уровень даже школьного обучения достаточно низок, все более обостряется водная проблема, а межэтнические конфликты периодически переходят в вооруженную стадию. Все это может в любой момент взорвать этот стратегически важный для России регион. Насколько исходящие из Центральной Азии угрозы реальны? Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен ввиду наличия большого числа факторов, обуславливающих региональную нестабильность. В настоящей статье рассмотрены только некоторые факторы, влияющие на этот процесс.

ВОДНАЯ ПРОБЛЕМА

Несмотря на значительные гидроресурсы Таджикистана и Киргизии, регион в целом испытывает острую нехватку воды. Эта проблема стала ощущаться еще в середине XIX в., когда российские власти стали проводить политику перевода к оседлой жизни скотоводов-кочевников.

В.В. Евсеев Кандидат технических наук. Старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН.

Появление новых протяженных сельскохозяйственных районов привело к дополнительным расходам больших объемов воды. И это при том, что земледелие в южной части Центральной Азии основывалось главным образом на орошении: вода подавалась по оросительным каналам, отведенным от двух крупнейших рек региона — Амударьи и Сырдарьи, а также их притоков. Эти каналы были открытыми и в основном неглубокими, что в теплый период года приводило к огромным потерям воды за счет испарения. Все это, в условиях резкого увеличения численности местного населения, сказалось на потреблении воды.

Начиная с 50-х годов, в регионе стала создаваться гидроэнергетика, что также оказало свое влияние на водопользование. С одной стороны, были построены водохранилища, которые позволяли регулировать сток воды. Так, в 1952-1956 гг. на территории Таджикистана было построено Кайраккумское водохранилище. Оно обслуживало нужды республики всего на 30%. Остальное использовалось в интересах Узбекистана и Казахстана. В 70-е годы на территории Ошской области Киргизии было построено самое большое в Центральной Азии Токтогульское водохранилище. С другой стороны, потребление электроэнергии в Центральной Азии росло в зимний период, что требовало увеличения сброса воды с целью дополнительной выработки электроэнергии на ГЭС. Но это приводило к негативным экологическим последствиям, так как для сельского хозяйства максимальный сброс воды был нужен в летний период. В результате возникла дилемма выбора между обеспечением местного населения электроэнергией и производством сельхозпродукции.

Под действием всех вышеуказанных причин ухудшилась ситуация в районе Аральского моря: обширные территории в радиусе сотен километров от его береговой черты стали малопродуктивными для жизни человека.

После распада Советского Союза водные проблемы в регионе еще больше обострились, так как исчезла центральная власть, которая в значительной степени сглаживала межнациональные противоречия между элитами и выступала для местных республик в роли источника финансовых и других ресурсов. Лишившись такой поддержки в условиях крайне тяжелой экономической ситуации обусловленной, в том числе, распадом хозяйственных связей, руководство Киргизии и Таджикистану стали рассматривать гидроэнергетику как, по сути, единственную возможность преодоления нищеты и подъема экономики. Эти планы нашли

серьезное противодействие со стороны Узбекистана, Казахстана и отчасти Туркменистана, которые сильно зависели от соответствующих водных стоков.

Наиболее острый конфликт возник между Ташкентом и Душанбе по вопросу достройки на реке Вахш Рогунской ГЭС. В частности, таджикская сторона считает, что ее достройка позволит преодолеть периодически возникающий энергетический кризис, открыть ряд перерабатывающих предприятий и получить значительные валютные поступления за счет транспортировки излишков электроэнергии в Иран, Индию и Пакистан. Однако для ряда сельскохозяйственных районов Узбекистана даже частичная потеря водного стока из Таджикистана чревата самыми серьезными проблемами.

Было бы неверно думать, что лидеры государств Центральной Азии не предпринимали попыток по урегулированию проблем водопользования. В сентябре 1995 г. в Нукусе (Узбекистан) прошла Международная конференция ООН по устойчивому развитию государств бассейна Аральского моря. В ходе ее проведения была принята Нукуская декларация, в которой государства Центральной Азии подтвердили свои обязательства «по полному сотрудничеству на региональном уровне на основе взаимного уважения, добрососедства и решимости в дальнейшем работать во имя преодоления последствий экологического кризиса в зоне бассейна Аральского моря и его воздействия на природу и человека» [Нукуская декларация, 1995].

В мае 1996 г. было сделано Бишкекское заявление, в котором президенты расположенных в регионе государств признали необходимость «ускорить разработку новой стратегии вододеления и экономических методов управления в сфере использования водных и энергетических ресурсов».

*Водно-энергетическая
проблема в Центральной
Азии пока не имеет своего
решения*

В 1998 г. государства Центральной Азии подписали Договор о сотрудничестве в области охраны окружающей среды и рационального природопользования. В этом документе отмечена необходимость создания в регионе водно-энергетического консорциума [Экспертный доклад, 2006]. Однако

такой консорциум так и не был создан ввиду нежелания сторон идти на компромисс, а также кризиса доверия и политического соперничества в Центральной Азии. Как следствие, водная проблема, неразрывно связанная с энергетикой, чрезвычайно обострилась. Об этом свидетельствуют ниже приведенные факты.

Зимой 2000 г. возник водно-энергетический конфликт между Ташкентом и Бишкеком. Тогда узбекская сторона прекратила подачу природного газа в Киргизию, что вынудило Бишкек значительно увеличить выработку электроэнергии на ГЭС путем дополнительного сброса воды на Токтогульском водохранилище. В результате часть хлопковых полей в Узбекистане оказалась заболоченной. В качестве ответной меры Ташкент в непосредственной близости от киргизско-узбекской границы провел военные учения по захвату Токтогульской ГЭС с использованием бронетанковой техники и вертолетов. Бишкек, в свою очередь, через средства массовой информации (СМИ) показал опасность разрушения рассматриваемой плотины для жителей Ферганской и Зерафшанской долины [Кирсанов, 2006].

В ноябре 2006 г. между Узбекистаном и Киргизией снова возник водно-энергетический кризис. Поводом для него стало то, что в качестве условия для поставки в Киргизию природного газа по цене 100 долл. за тысячу куб. узбекская сторона потребовала предоставления ей количество воды, необходимого для нужд сельского хозяйства. Согласно подготовленному в Ташкенте соглашению, пропуски воды компенсировались покупкой киргизской электроэнергии, но по ценам существенно

ниже рыночных. Одновременно Киргизию обвинили в попытках искусственного создания дефицита поливной воды для узбекского земледелия.

В первой половине 2000-х г. президент С.Ниязов проинформировал о создании в Туркмении искусственного «Озера Золотого Столетия» объемом 132–150 куб. км. Его наполнение планировалось осуществить за счет Амударьи. Это усилило туркменско-узбекские противоречия по вопросу совместного использования вод этой реки в нижнем течении, где осуществляется отбор воды в Каракумский канал. В случае развития орошаемого земледелия в Афганистане эта ситуация только усугубится.

Совершенно иначе решалась водная проблема между Казахстаном и Киргизией. Первоначально в Астане пытались воспрепятствовать строительству Камбаратинской ГЭС на территории Киргизии ввиду опасности нарушения баланса в электро- и водоснабжении всего региона. Однако позднее они смогли согласовать свои потребности в водно-энергетической сфере. Позитивным примером служит также работа экспертных групп и специальной казахстанско-киргизской комиссии по водопользованию рек Талас и Чу. На основе представленных рекомендаций Казахстан согласился на совместной основе финансировать в размере 20 млн. долл. в год эксплуатацию гидротехнических объектов в Киргизии.

В сентябре 2006 г. в Астане состоялся неформальный саммит лидеров государств Центральной Азии, где вновь рассматривались проблемы регионального использования водных ресурсов. Однако никаких практических решений принято не было. Стороны лишь в очередной раз провозгласили необходимость согласованного решения проблем использования и потребления воды на межгосударственном уровне.

Таким образом, водно-энергетическая проблема в Центральной Азии пока не имеет своего решения. При определенных условиях такая ситуация может привести к вооруженному конфликту между расположенными в регионе государствами, что является прямой угрозой российским национальным интересам. Следовательно, скорейшее разрешение этой проблемы стало для нашей страны жизненно необходимым.

ИЗБЫТОК РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Демографический взрыв, начало которого можно отнести к концу XIX в., произошел во всех государствах Центральной Азии, за исключением

Казахстана. В частности, за полтора столетия с момента вхождения Центральной Азии вначале в состав Российской империи, а затем Советского Союза численность населения Таджикистана увеличилась в 10 раз, всех остальных государств — в 7 раз.

В рамках Советского Союза эту проблему удавалось решать за счет государственного управления процессом миграции и создания трудоемких производств. С начала 90-х г., когда во всех государствах Центральной Азии произошло обвальное сокращение объемов производства, эта проблема существенно обострилась. Как следствие, из Киргизии и Таджикистана на заработки в Россию и частично в Казахстан стали выезжать до 30% трудоспособного населения.

В условиях продолжающегося в регионе демографического взрыва трудовая миграция лишь уменьшает избыточность трудоспособного населения. Для исправления ситуации необходим целый комплекс мер, включая регулирование рождаемости, как, например, в Китае или Вьетнаме. При этом следует учитывать, что рост населения в Центральной Азии будет продолжаться и в среднесрочной перспективе. По данным ООН, численность населения Казахстана к 2025 г. составит 16 млн. чел., Киргизии — 7 млн., Узбекистана — 34 млн., Таджикистана — 8 млн., Туркмении — 7 млн. чел. [Гусев, 2011].

Проблема избытка рабочей силы, на фоне достаточно низкого уровня развития экономики, чрезвычайно высокой коррупции и многонационального состава государств создает в регионе дополнительный конфликтный потенциал, что также создает угрозу национальным интересам Российской Федерации.

АВТОРИТАРНЫЙ СТИЛЬ УПРАВЛЕНИЯ

Как отмечает известный востоковед И.Звягельская [Звягельская, 2011, с. 224], «обретение независимости государствами Центральной Азии сопровождалось процессом формирования авторитарных режимов». Все они стали не догонять передовые в политическом отношении страны путем проведения либеральных реформ, а строить собственную политическую модель, отвечающую потребностям местных элит.

Конечно, авторитарный стиль управления предполагал возможность свободного вероисповедования, высказывания собственного мнения и создания неправительственных организаций (НПО). При этом не ис-

ключалось наличие оппозиционных партий, экспертного сообщества и независимых СМИ. Однако жестко пресекались любые попытки представителей религиозных институтов или гражданского общества оказывать влияние на процесс принятия политических решений.

Одновременно в Центральной Азии сохранялись элементы традиционного общества, имевшего свою иерархию и территориальную структуру в виде больших групп населения, отстаивающих общие интересы. В качестве таких групп часто выступали племена и их союзы, роды, кланы, землячества и другие объединения людей в местах их компактного проживания. Это приводило к созданию сложной системы взаимных обязательств, которая определяла правила поведения конкретного человека. Как следствие, процесс создания в регионе политических систем шел достаточно трудно путем сочетания традиционности и модерна, авторитаризма и элементов либерализма.

Запад оказывал влияние на формирование в регионе политических систем. Но, учитывая вышеизложенное, местные элиты с восточным лукавством больше имитировали элементы демократии, плюрализма мнений и равенства возможностей. США и их европейские партнеры стремились этого не замечать, принимая созданные на основе родо-племенных отношений организации за политические партии, а контролируемые государством структуры за НПО. Это позволяло развивать отношения со странами, которые откатывались порой к более жестким методам управления, чем практиковалось при советской власти. В результате либеральные ценности становились «разменной монетой в захватывающей гонке за прибылью и влиянием» [Звягельская, 2011, с. 226].

Помимо этого, в силу множества причин республики Центральной Азии не могли получить «приглашения» в Европейский союз, что лишило их стимула подстраивать под Запад свои политические системы. Как следствие, все политические новации носили в большей степени формальный характер, а их целесообразность и содержание определялись интересами правящей элиты, стремившейся удержать власть на волне демократического популизма.

Необходимо заметить, что в рассматриваемом регионе местную элиту образовала старая партийная номенклатура, отказавшаяся от коммунистической идеологии, но сохранившая прежние управленческие подходы с упором на административный ресурс. Новая элита как консоли-

дированная сила в начале 90-х годов еще не успела сложиться, а потому оказалась не в состоянии организовать и возглавить процесс реальных преобразований.

*Политических рычагов
влияния было
недостаточно
для прочного удержания
власти*

По мнению Е. Сейлеханова из Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ), тогда «негативное влияние на развитие демократизационных процессов на постсоветском пространстве оказывала... политико-идеологическая зависимость от России» [Сейлеханов, 2006, с. 62]. В какой-то

степени с этим можно согласиться, так как после октябрьских событий 1993 г. в России с целью недопущения коммунистической реставрации стала укрепляться президентская вертикаль в ущерб остальным ветвям власти. Аналогичное произошло и в республиках Центральной Азии в условиях ухудшения внутривластной ситуации ввиду обилия экономических проблем.

Обретение независимости для государств Центральной Азии также сопровождалось поиском национальной идентичности путем написания собственной истории, основанной на реальных или мифических персонажах, а также переименования названий населенных пунктов, улиц и объектов культуры. Для Узбекистана в качестве объекта для поклонения был выбран хан Тимур (1336–1405 гг.), для Таджикистана — правившая в IX–X вв. династия Саманидов, для Киргизии — мифический батыр Манас, давший название знаменитому эпосу, для Казахстана — создатель казахского протогосударства хан Аблай (XVIII в.). Подтверждением этого служит следующее высказывание узбекского исследователя: «Подобно Великому Темуру, мы тоже охвачены стремлением построить государство великого будущего» [Искандеров, 1996, с. 40].

Все это способствовало усилению в обществе консерватизма как системообразующего элемента и укреплению кланово-семейных связей, что неминуемо вело к авторитарному стилю управления. Как следствие, все пять центральноазиатских государств, несмотря на ряд отличий, имеют схожие политические системы, в которых власть поддерживается при помощи «твердой руки» [Владимиров, 2007, с. 272] при отсутствии какого-либо реального контроля со стороны парламента, СМИ, а также

институтов гражданского общества. В течение долгого времени это позволяло принимать непопулярные, но крайне необходимые решения.

Однако политических рычагов влияния было недостаточно для прочного удержания власти. Нужно было создать экономический базис. Для этого на основе бюрократического передела, который сдерживался только криминальными структурами, была проведена приватизация. Это подтверждает К.Сыроежкин из КИСИ: «Трансформация собственности на средства производства, призванная решить задачу формирования свободных персонифицированных собственников рынка, настоящих экономических и правовых отношений, формирования массового среднего класса, фактически эту задачу не решила. Более того, общество оказалось расколотым на меньшинство собственников и большинство несобственников в духе именно прав-привилегий в сфере собственности и иных отношений. Государство, объявив себя юридическим собственником средств производства, фактически само создало условия для возникновения симбиоза власти и собственности...» [Годы, которые изменили Центральную Азию, 2009, с. 88].

Становление в Центральной Азии рыночных отношений шло крайне болезненно. Традиционное общество, основанное на использовании государственной и коллективной собственности, постаралось подстроиться под новые условия путем перераспределения некоторой части полученного дохода. Для этого стали проводить дорогостоящие праздники с вручением подарков, различные компании и широкомасштабные спортивные мероприятия. Такая демонстрация богатства позволяла местной элите подтверждать свой социальный статус. По мнению известного российского исследователя А.Воскресенского, политический процесс в Центральной Азии «в основном определяется формой общественных и личных взаимоотношений, а власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а в основном на проблемах влияния» [Воскресенский, 2006, с. 21].

Специфические черты приобрела и возникшая после обретения независимости многопартийность. В отличие от Запада политические партии Центральной Азии, как правило, не имеют идеологической платформы. При их формировании основную роль играют региональные, клановые и родо-племенные интересы. Обычно политические партии не являются общенациональными, а их лидеры происходят из властных

структур, что исключает предложение ими реальных альтернатив проводимому в стране курсу. При этом поддержка со стороны избирателей определяется не заявляемой программой, а отношением к партийному лидеру. С такой точкой зрения согласен известный киргизский исследователь Э.Курманов: «... для всех кыргызских партий и политических объединений в той или иной степени характерны черты вождизма, авторитарный стиль руководства, малочисленность, отсутствие региональных низовых звеньев, устойчивого электората, интереса к местным и, зачастую, даже парламентским выборам, четко выраженных политических интересов и партийных программ, а также заметный региональный и родоплеменной оттенок» [Курманов, 2004, с. 9-14]. Это ярко проявлялось во время парламентских избирательных компаний.

Анализируя ситуацию в целом, следует заметить, что в государствах Центральной Азии исполнительная, законодательная и судебная ветви власти реально не разделены. Именно исполнительная власть остается той силой, которая определяет основные пути развития общества. Как следствие, проводимые реформы носят верхушечный характер и сохраняется всеислие государственного аппарата. Это неизбежно ведет к политической нестабильности, что способствовало силовой смене власти в Киргизии в 2005 и 2010 гг.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ВЛАСТИ

Для правящих в государствах Центральной Азии авторитарных режимов особое значение приобретает вопрос о передаче власти. Он наиболее актуален для нынешних лидеров Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, которые уже достигли пенсионного возраста. В некоторой перспективе они будут вынуждены передать свою власть. Это можно сделать путем демократических выборов, «оранжевой» революции (государственного переворота) или создания института преемников, включая династийный путь. Как отмечает известный израильский исследователь В.Месамед [Сулейманов, 2011], президент Э.Рахмон в Таджикистане, по-видимому, планирует пойти по династийному пути, постепенно продвигая одного из своих сыновей во властных структурах. При этом реализуется следующий курс: на всех ключевых постах Республики Таджикистан должны сидеть дети Э.Рахмона. Но это не служит залогом стабильности ввиду усиления процессов исламизации страны. В условиях крайне тяжелого экономического положения

страны, раскола элиты, в том числе по территориальному признаку, все большего давления со стороны радикальной оппозиции, всепроникающей коррупции, слабости правоохранительных органов и национальных вооруженных сил падение правящего в Душанбе режима исключить нельзя.

В Казахстане президент Назарбаев пытается осуществить процесс передачи власти достаточно демократическим путем, но с учетом местных условий. Все более чувствуется некоторая усталость Н. Назарбаева от власти и его желание уйти от руководства страной так, как это сделал в 1989 г. Дэн Сяопин, то есть став духовным лидером страны. В течение долгого времени его наиболее вероятным преемником считался Р. Алиев — муж его старшей дочери Дариги. Позднее на эту роль стал рассматриваться Т. Кулибаев — один из крупнейших в Казахстане предпринимателей и одновременно муж Динары, средней дочери Н. Назарбаева.

Наиболее трудная ситуация в этом отношении наблюдается в Узбекистане. В условиях усиления борьбы за власть между местными кланами, И. Каримов, скорее всего, делает ставку на премьер-министра Ш. Мирзияева. Однако к власти рвутся и представители силовых структур. Во многом процесс передачи власти в республике будет зависеть от состояния здоровья И. Каримова.

По мнению российского исследователя Д. Тренина из Московского Центра Карнеги, «Узбекистан может стать самой опасной «пороховой бочкой» в регионе. В стране скоро встанет вопрос о передаче власти в связи с уходом со сцены первого президента, там действуют радикалы-исламисты, что в 1999, 2000 и 2005 гг. приводило к восстаниям и терактам, а в перенаселенной Ферганской долине социально-экономическая напряженность может вызвать масштабы потрясения, способные затронуть соседние Киргизию и Таджикистан» [Тренин, 2012, с. 179].

В Туркменистане процесс передачи власти так и не был отработан в связи со скоропостижной смертью С. Ниязова. Вполне возможно, что министр здравоохранения и медицинской промышленности Г. Бердымухаммедов смог вовремя воспользоваться полученной информацией и организовать государственный переворот. Пока его относительно молодой возраст (55 лет) и непродолжительный срок правления (около шести лет) не подталкивают его к созданию условий для передачи власти в будущем.

Таким образом, в Центральной Азии сохраняется значительная нестабильность. Она порождается как объективными (водно-энергетическая проблема, избыток рабочей силы и т.п.), так и субъективными причинами. Среди последних особое значение имеет авторитарный стиль управления и вытекающая из него проблема передачи власти. Сохранение такой региональной нестабильности угрожает национальным интересам Российской Федерации и требует от Москвы принятия срочных мер, в первую очередь в экономической сфере. По-видимому, прогресс в сфере евразийской интеграции мог бы уменьшить остроту существующих проблем. И это не является, как думают на Западе, проявлением российского неоимпериализма. Речь идет лишь о восстановлении ошибочно разрушенных экономических связей в интересах взаимовыгодного развития России и ее партнеров на постсоветском пространстве. **МП**

Примечания

- ¹ Владимиров В. Политика России на южных рубежах. Поиск новой стабильности (2004-2005 гг.) // Разоружение и безопасность 2004-2005: новые подходы к международной безопасности / Под ред. А. Арбатова; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М.: Наука, 2007.
- ² Воскресенский А.Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры стран Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Восток-Запад, 2006.
- ³ Годы, которые изменили Центральную Азию / Отв. ред. И.Д. Звягельская. М.: ЦСПИ, Институт востоковедения РАН, 2009.
- ⁴ Гусев Л. Проблемы с водными ресурсами в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Новое Восточное Обозрение. – М., 17 мая 2011 г. <http://journal-neo.com/?q=ru/node/6432>.
- ⁵ Звягельская И.Д. Авторитаризм в Центральной Азии: от старта и далее (какие дали он догоняет?) // Что догоняет догоняющее развитие / Отв. ред. А.М. Петров. М.: Институт востоковедения РАН, 2011.
- ⁶ Искандеров И. Амир Темура и созвучие времен: Тезисы международной конференции «Амир Темура и его место в мировой истории». Ташкент, 1996.
- ⁷ Кирсанов И. Битва за воду в Центральной Азии // Независимый обозреватель стран Содружества. М, 2006 г. № 12.
- ⁸ Курманов З. О проблемах партотгенеза в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. Лилле (Швеция), 2004. № 5 (35).
- ⁹ Нукусская декларация государств Центральной Азии и международных организаций по проблемам устойчивого развития бассейна Аральского моря [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Законодательство стран Центральной Азии по сохранению биологического разнообразия в трансграничном контексте. – Амстердам, 5 сентября 1995 г. <http://www.ca-econet.info/mfsa/01.htm>.
- ¹⁰ Сейлеханов Е.Т. Политическая система Республики Казахстан: опыт развития и перспективы. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2006.
- ¹¹ Сулейманов Р. Владимир Месамед: «Вопрос передачи власти для Центральной Азии является стратегическим» [Электронный ресурс] // Новое Восточное Обозрение. – М., 22 июля 2011 г. <http://journal-neo.com/?q=ru/node/7851>.
- ¹² Тренин Д.В. Post-imperium: евразийская история / Московский Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012.
- ¹³ Экспертный доклад Фонда стратегических исследований Центрально-Азиатского региона [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. М, 10 ноября 2006 г. http://www.ia-centr.ru/archive/public_detailsac0b.html?id=213.